

В.Н. ПЕСЕЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ПРИЕМ ЭКСПЛИКАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ЧТЕЦ»

Проблемы перевода в последние десятилетия все чаще становятся предметом обсуждения в исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых. Большинство отечественных и зарубежных исследований посвящены общетеоретическим вопросам перевода. Особое внимание исследователей привлекают вопросы, связанные с прагматическими аспектами перевода. Среди приемов, повышающих уровень соответствия переводного текста оригиналу, одним из прагматически существенных является прием экспликации.

Именно поэтому целью этой статьи является рассмотрение приема экспликации и анализ примеров с данным приемом, взятых из романа Б. Шлинка «Чтец».

Существует несколько факторов, мешающих достижению адекватности при переводе с немецкого языка на русский. Одним из них является отсутствие полных соответствий между языком оригинала и языком перевода. К тому же каждый переводчик может интерпретировать один и тот же текст по-разному, тем самым нарушается адекватность перевода русских соответствий. А отсутствие в языке перевода точных соответствий немецких единиц языка еще значительно усложняет процесс перевода. Именно поэтому, столкнувшись с данной проблемой, переводчику необходим набор определенных приемов, которые в результате их использования обеспечивают адекватность перевода.

Экспликация (описательный перевод) – прием передачи безэквивалентной лексики, замена не имеющей регулярного соответствия единицы ИЯ словосочетанием, определяющим (эксплицирующим) ее значение; «лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на языке перевода» [2, с. 185].

Как отмечают исследователи: «Часто переводчики прибегают к сочетанию двух приемов – транскрипции или калькирования и описательного перевода, давая последний в сноске или в комментарии. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственные транскрипции (и калькированию), с раскрытием семантики данной единицы, достигаемой через описательный перевод: разъяснив однажды значение данной единицы, переводчик в дальнейшем

может использовать транскрипцию или кальку, смысл которой будет уже понятен читателю [1, с. 100 – 101].

Как следует из сказанного выше, описательный перевод не является единственным способом передачи значений безэквивалентной лексики, а используется наряду с транскрипцией, транслитерацией, калькированием, подбором аналогов, трансформационным переводом. Однако описательный перевод, или экспликация, является наиболее распространенным способом передачи значения безэквивалентной единицы в лексикографическом издании.

Путем использования экспликации, автор передает значение самых различных безэквивалентных оригинальных слов. К недостаткам экспликации можно причислить такие ее характерные черты, как словообильность и некоторая громоздкость. Следовательно, самым успешным вариантом применения экспликации будет тот, где возможно будет обойтись наиболее кратким пояснением оригинальной языковой единицы.

<i>Sie holte weit aus, das Wasser platschte auf den Gehweg und schwemmte das Erbrochene in den Rinnstein</i> [5, S. 6].	Хорошенько размахнувшись, женщина выплеснула воду на тротуар и смыла жижу [4]. (перевод Б. Хлебникова)	<i>Она широко размахнулась, вода с шумом выплеснулась на тротуар и смыла то, что из меня вышло, в канавку стока</i> [3]. (перевод А. Тарасова)
---	---	---

В этом предложении использована экспликация. В русском языке есть слово, которое передает немецкое слово *das Erbrochene* как *рвотные массы*, которое больше характерно для научного текста. Поэтому совершенно естественно, что А. Тарасов перевел его как *то, что из меня вышло*, что в принципе соответствует действительности. Б. Хлебников в свою очередь заменил данное слово на *жижу*, что в прочем не противоречит смыслу предложения.

<i>Ob sie nur ein Machtspiel hatte gewinnen wollte</i> [5, S. 49].	<i>Не хотела ли просто выиграть эту игру, чтобы показать свою власть надо мной</i> [4]. (перевод Б. Хлебникова)	<i>Была ли это только игра в расстановку сил, которую она хотела у меня выиграть, или что-то другое</i> [3]. (перевод А. Тарасова)
--	--	---

В данном предложении употреблено слово *Machtspiel*, которое не имеет однословного эквивалента в русском языке. Поэтому совершенно очевидно, что А. Тарасов воспользовался приемом экспликации и передал данное слово как *игра в расстановку сил*. Второй же переводчик

Б. Хлебников посчитал, что первую часть слова можно опустить, употребив при переводе просто слово *игра*, что является не совсем корректным в данной ситуации, так как первая часть слова несет на себя определенную как информационную нагрузку, так и в принципе помогает понять обстановку происходящего.

*Als ich meine kleine Schwester fragte, was sie haben wolle, damit sie zu ihrer Freundin gehe, während ich zu Hause bliebe, verlangte sie Jeans, wir sagten damals **Bluejeans** oder **Nietenhosen**, und einen **Nicki**, einen samtene Pullover [5, S. 59].*

Я спросил сестру, чего она хочет от меня за то, чтобы я остался один, а она отправилась бы к подруге; она сказала – джинсы (мы тогда называли их «блюджинсами») и бархатный пуловер [4]. (перевод Б. Хлебникова)

Когда я спросил у своей младшей сестры, что она хочет от меня иметь, если согласится пожить у своей подруги, пока я буду дома один, она потребовала от меня джинсы (тогда мы говорили «синьки») и «никки» — бархатный летний пуловер [3]. (перевод А. Тарасова)

Б. Шлинк в данном предложении использует такие слова как *Bluejeans* и *Nietenhosen*. Оба переводчика подобрали к первому слову понятия, которые могли бы эксплицировать всю его семантику. Б. Хлебников при этом использовал транслитерацию, а А. Тарасов подобрал понятие, которое было знакомо большинству людей. При этом слово *Nietenhosen* оба переводчика опускают, так как нет необходимости в его переводе. Оба понятия являются синонимами. Б. Шлинк употребляет также слово *Nicki*. Возможно это название фирмы, производящей одежду или же так называли в Германии бархатные пуловеры. А. Тарасов использует транслитерацию данного понятия, а Б. Хлебников вообще его опускает.

Sie stand in der offenen Flügeltür zwischen Eß- und Wohnzimmer, als ich auftrag [5, S. 60].

Стояла в проеме между столовой и гостиной, пока я накрывал на стол [4]. (перевод Б. Хлебникова)

Она стояла в кухне, когда я накладывал на нашу трапезу «последний штрих» [3]. (перевод А. Тарасова)

Мы можем видеть с вами в переводе А. Тарасова более широкое описание немецкого глагола *auftragen*, что делает предложение немного громоздким и немного возвышенным и никак обыденным. Может быть А. Тарасов хотел подчеркнуть таким образом важность данного события. Б. Хлебников в свою очередь использовал данный прием при переводе *offene Flügeltür*.

*Am Tag darauf
klaute ich für Hanna ein
seidenes Nachthemd,
wurde vom
Kaufhofdetektiv
gesehen, rannte wie um
mein Leben und entkam
mit Mühe und Not* [5,
S. 60].

*В тот же день я
украл для Ханны
шелковую ночную
рубашку, меня заметил
охранник универмага,
я бросился бежать
что было сил, едва
ноги унес* [4]. (перевод
Б. Хлебникова)

*Еще днем позже я
украл для Ханны
шелковую ночную
рубашку, был замечен
детективом
универмага, бросился
бежать, не чувствуя
под собой ног, и мне
едва удалось скрыться
от него* [3]. (перевод
А. Тарасова)

Данный пример можно рассматривать с разных точек применения переводческих приемов. Во-первых, словосочетание *am Tag darauf* следует переводит на русский язык как *на следующий день*, но никак не *в тот же день*, что является неправильным. Во-вторых, слово *Kaufdetektiv* переведено Б. Хлебниковым как *охранник универмага*, а у А. Тарасова *детектив универмага*. Стилистически более правильным конечно является вариант перевода Б. Хлебникова. В-третьих, оба переводчика перевели вторую часть предложения сохранив стилистическую яркость и экспрессивность. В тоже время каждый из переводчиков описывал данное предложение своими особенными средствами: *едва унес ноги, бежать что было сил, не чувствуя под собой ног, едва скрыться*. Таким образом, мы видим, что переводчики прибегая к данному приему наиболее точно и красочно передали намерение автора.

*Der Wechsel von der
Unter- in die
Obersekunda brachte
eine besonders
einschneidende
Veränderung* [5, S. 63].

*Переход со средней
гимназической
ступени на старшую
воспринимался как
особенно значительная
перемена* [4]. (перевод
Б. Хлебникова)

*Переход из
младшего отделения
седьмого класса в
старшее принес с
собой одно особенно
существенное
изменение* [3]. (перевод
А. Тарасова)

*Ziemlich viele
Schüler hatten die
Schwelle von der Unter-
zur Obersekunda nicht
geschafft, und so wurden
vier kleine Klassen in
drei große
zusammengelegt* [5,

*Многие из ребят не
смогли перейти на
старшую ступень,
поэтому из четырех
маленьких классов
получились три
больших* [4]. (перевод
Б. Хлебникова)

*Довольно многие из
учеников не смогли
преодолеть рубеж,
отделяющий младшее
отделение от
старшего, и поэтому
четыре маленьких
класса собрали в три*

S. 63].

больших [3]. (перевод
А. Тарасова)

Мы можем наблюдать с вами примеры экспликации. В русском языке отсутствуют слова, которые могли бы вместить в себя всю информацию, которую они имеют в немецком языке. Поэтому прием экспликации вызван в первую очередь спецификой немецкой системы образования. Поэтому совершенно естественно, что переводчики использовали данный прием.

Ich könnte Cheval zu dir sagen oder Hottehüh oder Equinchen oder Bukeffelchen [5, S. 69].

Я мог бы назвать тебя скакуньей или кобылкой, сказать «шеваль», «эквин» или Буцефальчик [4].
(перевод
Б. Хлебникова)

Я бы, например, мог называть тебя Шеваль или Но-Но, Хуазо или Царица Розалинда [3]. (перевод
А. Тарасова)

В своем переводе Б. Хлебников использует слова, значение которых в последующем он подает в сносках, то есть использует описательный перевод. Таким образом мы видим, что эти слова в принципе имеют одно и то же значение, только вот используется они в разных языках. *Шеваль* (фр. *cheval*) – лошадь, *Эквин* (лат. *equus*) – лошадь, *Буцефальчик* – от *Буцефал*, любимый конь Александра Македонского. А. Тарасов же в своем переводе не объясняет никак использование данного выбора перевода слов, что приводит к некому недопониманию смысла предложения.

So habe ich damals vernünftelt, aus meiner Begierde den Posten eines seltsamen moralischen Kalküls gemacht und mein schlechtes Gewissen zum Schweigen gebracht [5, S. 21].

Вот так я размышлял тогда, придумывая для своих вожделий причудливые моральные оправдания, чтобы заглушить угрызения совести [4].
(перевод
Б. Хлебникова)

Так я тогда размышлял, вывел свое вожделие в статью необычного морального расчета и заставил замолчать свою совесть [3]. (перевод
А. Тарасова)

Мы можем утверждать, что при переводе данного примера переводчики использовали описательный перевод, при передачи смысла предложения. При этом каждый из них употребляет своего стиля перевода. А. Тарасов пытается передать информацию как можно ближе и дословно, в то время как Б. Хлебников употребляет стилистические тропы.

... das Abitur und das aus Verlegenheit gewählte Studium der

...без особых проблем шла учеба в университете на

...изучение юриспруденции, которую я выбрал,

<i>Rechtswissenschaft fielen mir nicht schwer</i> [5, S. 84].	юридическом факультете, выбранном довольно случайно [4]. (перевод Б. Хлебникова)	скорее, повинуюсь сиюминутной ситуации, тоже шло гладко [3]. (перевод А. Тарасова)
---	---	---

Мы можем наблюдать с вами, как оба переводчика словосочетание *das aus Verlegenheit gewählte Studium* передают на русский язык с помощью описательного приема. При этом Б. Хлебников воспользовался деепричастием, а А. Тарасов в свою очередь перевел данное словосочетание с помощью придаточного предложения, в которое он заключил еще и причастие. Поэтому перевод А. Тарасова выглядит немного громоздким. Также в своем переводе А. Тарасов воспользовался еще одним приемом – антонимическим переводом: *nicht schwer* – *гладко*.

Таким образом, мы видим, что применение трансформации экспликация, обеспечивает наибольшую адекватность, точность и лаконичность перевода.

На основе сопоставительного анализа мы пришли к выводу, что в переводческих решениях Б. Хлебникова весьма оригинально и адекватно отразилась та многосторонность и сложная переплетенность, которые характерны для отображения Б. Шлинком картины происходящего. В переводе А. Тарасова, на наш взгляд, это удалось несколько хуже. При переводе романа А. Тарасовым преобладает позиция с ориентацией на принимающую культуру. Однако не всегда можно отдать предпочтение переводческим решениям Б. Хлебникова, так как очень часто переводчик отдалялся от оригинала и прибегал к перефразированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода / В.Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 254 с.
3. Шлинк, Б. Чтец [Электронный ресурс] / Переводчик Тарасов А. – Режим доступа : <http://www.litmir.me/br/?b=71912>. – Дата доступа : 08.01.2015.
4. Шлинк, Б. Чтец [Электронный ресурс] / Переводчик Хлебников Б. – Режим доступа : <http://coollib.net/b/90469/read>. – Дата доступа : 08.01.2015.
5. Schlink, B. Der Vorleser / B. Schlink. – Zürich: Diogenes Verlag AG Zürich, 1997. – 208 S.